Почтовый голубь мертв (сборник)

Автор:
Анна Литвиновы

Почтовый голубь мертв (сборник)

Анна и Сергей Литвиновы

Наконец-то Римме, бессменному секретарю частного детектива Паши Синичкина, выпал шанс проявить себя! Ведь Паша в отпуске, а Римме подвернулось собственное расследование. К ней обратилась молодая певица Вика Юнкер, у которой пропал жених Михаил – прямо из дома отдыха! Приехал в Подмосковье на день раньше ее, оставил машину на стоянке, а вещи в номере – и исчез. Но не успела Римма начать работу, как Вика свой заказ отменила. Она неожиданно выиграла в лотерею десять миллионов, и теперь никакой Миша ей не нужен, она уезжает в Италию осуществлять свою главную мечту – пробиваться на оперную сцену. Но Римма не намерена так легко отказываться от своего первого серьезного дела…

Анна и Сергей Литвиновы

Почтовый голубь мертв

сборник

Серия «Знаменитый тандем Российского детектива»

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Почтовый голубь мертв

Валентина

Мужчины – слабаки. Все, что могут: сто раз отжаться от пола, защитить от хулиганов. Дарить орхидеи, посвящать поэмы, клясться бросить к твоим ногам весь мир. Но в реальности всю жизнь колотятся за нищенскую зарплату и почитают за счастье раз в год выехать в отпуск на бюджетное Азовское море.

Живописать прекрасное будущее джентльмены всегда готовы. Но едва переходишь к деталям – сразу начинается: нет, слишком большой риск, обидно погубить жизнь и прочая муть.

А я в десять лет на спор прошла над обрывом по обычной доске. На горную реку, что бурлила в тридцати метрах внизу, даже не взглянула.

И сейчас тем более не хочу безопасной и тоскливой офисной жизни с девяти до шести.

Пуля устранит препятствие за долю секунды. Есть десятки ядов, что не оставляют следов и не видны на вскрытии. Придуманы сотни несчастных случаев, которые на самом деле убийства.

Любой миллионер обязательно рисковал. А каждый миллиардер – убивал, только тщательно это скрывает.

Чем я хуже их?

Римма

Мой начальник Павел Синичкин обожает, когда им восхищаются. Добрых слов не жаль, и я рассыпаюсь в комплиментах шефу каждый рабочий день (накануне зарплаты, разумеется, чуть усерднее). А о недостатках молчу. Хотя для себя давно решила: Паша по жизни – скорее доктор Ватсон, чем Шерлок Холмс. И диван в кабинете поставил – якобы для дедуктивных размышлений, однако после обеда на нем частенько дремлет.

А еще он красив, смел и мускулист.

Наше агентство существует давно, но сотрудников до сих пор только двое. Синичкин – владелец, директор и главный. Плюс я – формально секретарша, но на самом деле очень даже компетентный заместитель.

Если кто начнет вам болтать, что между мачо-мужчиной и его красоткой-коллегой женского пола (это я, скромно так, о себе) бывает дружба, – не верьте. Мы с Синичкиным, конечно, не удержались. Съездили вместе за границу, потом попробовали пожить вместе. Но детективной семьи – или даже просто пары — из нас не вышло. Зато мы смогли – после почти года полного разлада – вернуться к чисто деловым отношениям. Ну, почти деловым. Сама не понимаю, что происходит. Я вроде и не люблю, и больше не хочу его – однако пассии босса меня чрезвычайно бесят. Поэтому Синичкин благоразумно, когда мы вместе на работе, с ними даже по телефону не беседует.

Раньше, когда Паша уходил в отпуск, контору мы закрывали. Иногда удавалось у арендодателя скидку выбить – за то, что места на парковке не занимаем, посетители не ходят, пол не топчут.

Но в этом году шеф выдал:

– Римма, на август ничего не планируй.

Я скривилась.

Последний месяц лета, годами наблюдений подмечено, тухлый абсолютно. Только бабульки приходят на предмет поиска беглых котов или прочих домашних питомцев.

А Паша небрежно продолжил:

– Я второго улечу в Ниццу.

– И с кем это ты летишь? – не удержалась я.

– Один, – поспешно заверил Синичкин. – Совсем один. Какую девушку нынче заманишь на скромную яхту? А сьют на круизном лайнере я предложить не могу.

И немедленно сменил тон на бархатный:

– Но не о том речь. Тебе давно пора наконец раскрыть какое-нибудь дело самостоятельно.

Поднялся из фирменного кожаного кресла. Предложил:

– Сядь, попробуй. Очень приятное чувство.

Когда начальник отсутствовал, я регулярно захватывала его кабинет. Паша о сем, разумеется, не ведал. Поэтому пришлось притворяться. Благоговейно обойти стол. Осторожно опуститься на краешек кресла. И жалобным тоном произнести дежурную фразу из своего арсенала:

– Паша! Да я в жизни сама не справлюсь!

Он царственно отмахнулся:

– Римма, брось. В базах данных ты шаришь быстрее меня, со свидетелями работать умеешь. Если вдруг дело стоящее, олигарх миллионный гонорар предложит – прилечу тебе на подмогу. А собачек пропавших искать – дело нехитрое.

Я могла поспорить, при необходимости прослезиться и в любом случае добиться отпуска в августе. Но мне лететь в Ниццу было, увы, не с кем. Да и приятно будет наконец посидеть в начальственном кресле на абсолютно законных основаниях.

Паша весь июль выносил мозг наставлениями, поучениями и предостережениями. Когда шеф наконец отбыл, пару дней я не понимала, скучаю я без него – или наслаждаюсь. Скачала на компьютер кучу новых пасьянсов, забила верхний ящик стола шоколадками и даже в трубку телефона вместо «Детективное агентство, чем я могу вам помочь?» говорила просто «Але». (Синичкин на рабочий телефон все равно не звонил – зачем, если можно абсолютно бесплатно рассылать указания через мессенджер?)

Москву накрыли лень и жара. Делом века (да и просто делом) даже не пахло. Телефон почти всегда молчал. Только рекламные агенты одолевали, а однажды позвонила старушка – потеряла очки. Предложила сумасшедший гонорар – целую тысячу рублей. Но выехать к ней домой, на объект, я не успела. Бабуленция ликующе выкрикнула:

– Так вот ведь они! Прямо перед носом лежат!

И пообещала:

– Я вам теперь всегда звонить буду. Когда их опять потеряю.

– Жду с нетерпением, – отозвалась я безо всякого сарказма.

Бесконечные игральные карты на экране компьютера успели мне надоесть, и я даже стала подумывать, не помыть ли от скуки в офисе окна. Уборка, хотя и входила в стоимость аренды, исполнялась в умирающем НИИ, где мы снимали офис, чрезвычайно халатно.

Уже и шкаф открыла, где висел уродливый синий халат, когда услышала: по коридору нервно цокают каблучки. А дальше дверь в секретарский предбанник распахнулась, и в приемную ворвалась девица.

Восемнадцать от силы. Тощая, встрепанная, причем волосы ярко-красные. Веснушки, лицо лошадиное. Бриджи в индийском стиле, на майке – надпись: «Когда проснусь, тогда и утро». В ноздре колечко, на щиколотке татуировка – японский иероглиф. Настоящий Enfant terrible.

Я в ее годы, хотя и куда красивей была, робела, должностных лиц побаивалась. Но эта уверенно проследовала через приемную. Плюхнулась в гостевое кресло в Пашином, то есть моем, кабинете. Произнесла скептически:

– А вы точно сыщик?

Мне, конечно, до солидного вида далеко, хотя бы потому, что прилагаю все силы, чтобы выглядеть на двадцать пять максимум. Да и оделась, ввиду жары, в пляжные шорты и топик.

Зато в шортах – большой карман. Как я вынула из него мобильник, наклонилась на секунду под стол и быстро сделала фото, гостья даже не заметила. И на то, что в компьютер запрос вбиваю, тоже внимания не обратила.

Я вперила в девушку строгий взгляд и спросила:

– Что вы имеете в виду под желанием?

– В смысле?

– Иероглиф. На вашей правой ноге. Что конкретно вы желаете?

Нахалка слегка смутилась:

– Знаете японский?

– Детектив обязан быть разносторонне развит, – назидательно молвила я.

– Я о своих желаниях кому попало не рассказываю, – буркнула гостья.

Но спеси сразу поубавилось. Протянула через стол потную ладошку, представилась:

– Вика. Можно на «ты».

– Римма. Можно без отчества. Чем могу помочь? – заботливо произнесла я.

Девушка взглянула с сомнением на мои идеально-акриловые, немалой длины ногти и выпалила:

– Жених мой пропал.

Я еле удержалась, чтобы горестно не вздохнуть.

Богатая оперативная практика научила: искать сбежавших песиков в миллион раз легче, чем парней, которые решили кинуть.

А жизненный опыт подсказывал: девиц с красными волосами и колечками в носу бросают довольно часто.

Но не выгонять ведь первого за три дня клиента!

Я смиренно произнесла:

– Расскажи все детально.

– С какого момента?

– С самого начала. Как зовут жениха, чем он занимается, где и когда познакомились.

– Чисто ментовский подход, – укорила Вика. – Тут каждая секунда на счету, а вы с глупостями. Кого волнует, сколько мы знакомы? Главное, что мы помолвлены. А через неделю собирались заявление в ЗАГС подавать.

Стало чуть интереснее.

– И давно вы помолвлены?

– С позавчера. В ресторан ходили. Мишка мне кольцо подарил, – посетительница продемонстрировала тоненькую и, несомненно, дешевую золотую полосочку с крошечным рубином. – А со вчерашнего дня у нас путевка. В дом отдыха, в Кротово, на неделю. Еще весной оплатили.

Я изо всех сил старалась, как учил Синичкин, наблюдать и анализировать. Говор московский, но не слишком рафинированный. Чтением вслух Тургенева и лекторием в Пушкинском музее ребенка, похоже, не терзали. Ногти обгрызены. Однако бриджи пусть похожи на мешок, но от Роберто Кавалли. Родители платят – или сама зарабатывает?

Ладно, по ходу выясним.

Вслух я уточнила:

– То есть еще весной планировали помолвку?

– Ну да. Мишенька обстоятельный, у него все на годы вперед расписано, – с уважением произнесла Вика. И уточнила: – К тому же в доме отдыха скидки большие предлагали. За раннюю предоплату.

– Хорошо. Давай дальше, по существу дела, – кивнула я.

Гостья послушалась.

– Заезд там с двенадцати, езды часа два, так что мы в десять выехали.

– Откуда?

– От Мишки. Он на «Красногвардейской» квартиру снимает. А в половине одиннадцатого мне маман звонит. Говорит, что билет на Монсеррат Кабалье достала. В партер. Бесплатно.

– А кто у тебя мама? – удивилась я.

Посетительница чуть смутилась:

– В общественном питании работает. На руководящей должности. Она такая… типа энерджайзер. Все успевает. То аэробика, то с префектурой воюет насчет лавочек или чтобы деревья во дворе не пилили. В «Активном гражданине» вечно пасется. Вот и получила награду за сознательность – билет в Кремлевский

дворец выделили.

– На Монсеррат Кабалье? – переспросила я. – Ничего себе.

– Так она каждый день в этом «гражданине» голосует! И с мэром в личной переписке, – с нескрываемым раздражением произнесла дочь. – В общем, звонит мне безумно радостная и велит все бросать и собираться в Кремль. Я хотела уговорить, чтобы сама пошла, – она в слезы: «Я так старалась, это ведь твоя любимая певица». Ну, Мишка мне шепчет: «Не спорь. Сходи». И мы решили: я останусь в Москве, а он поедет.

– Куда?

Девица посмотрела удивленно:

– Как куда? В дом отдыха. У нас ведь оплачено. Сутки четыре тысячи стоят! Чего пропадать? Я обещала завтра – то есть сегодня – на электричке добраться. Ну и вот… Приехала – а его нету!

По усыпанной веснушками щеке покатилась слезинка.

– Теперь очень подробно. Фактически поминутно, – я приняла вид умудренного жизнью опера. – Во сколько вы приехали?

Девица вдруг испугалась:

– Мы вообще договаривались, что я после перерыва приеду, но я прямо с утра сорвалась. На электричке в девять ноль три.

– Решили проверить? – понимающе улыбнулась я.

– Да вы что! – обиделась Вика. – Я Мишеньке доверяю. Просто он уже вчера вечером мне на звонки перестал отвечать!

– С какого времени?

– Ну, я ему без десяти семь селфи послала. Из Дворца. На фоне Кремля. С шампусиком – он в ответ смайлик. И поцелуй. А позвонила в антракте – телефон выключен. И все. С тех пор я его раз сто набирала. Никакая Кабалье не в радость.

– Именно выключен телефон? – уточнила я. – Гудки не проходят?

– Да, – досадливо отозвалась невеста. – Робот этот мерзкий отвечает. Я концерт все-таки отсидела. Думала – может, он в столовой, или гуляет, или просто связь в Кротово плохая. Но когда домой приехала, реально начала психовать.

– Во сколько вы вернулись?

– В начале двенадцатого. На метро пришлось – таксисты у Кремля бешеных денег ломят, а через приложение я не могла – телефон сдох.

– Вы поехали к Михаилу или к родителям? – уточнила я.

– К родакам. Мне одной на съемной хате как-то некомфортно.

Почему-то смутилась и поспешно продолжила:

– Так вот, дома я аппарат в розетку, снова звонить – опять вне зоны. Тут еще маман. Я ей про то, что Миша пропал, а она: во что Монсеррат одета была? Мы поругались. Я в полицию позвонила – но меня послали. Не родственница, говорят. Будто Мишкины родители из Омска могут заявление подать, что он пропал!

– Но вы им позвонили? – спросила я. – Хотя бы предупредить?

Девица покраснела:

– Хотела. Но маман все под дверью подслушала, ворвалась. Не смей, говорит, людей пугать! Может, он телефон потерял! Я тогда стала машину просить, чтобы прямо сейчас в Кротово, – маман тоже не дает. Шампанским от меня, видите ли, пахнет. И сама везти отказалась.

– Как она относится к вашему жениху?

– Без восторгов, – пожала плечами девица. В раздражении пристукнула ногой: – Но вообще это неважно!

– Хорошо, – покорно кивнула я. – Значит, сегодня вы приехали в дом отдыха. Во сколько? И куда первым делом пошли?

– Приехала… часов в одиннадцать. И сразу на рецепшн, куда еще? Я ж ни корпуса не знала, ни номера. Вообще уже тряслась, что Мишка туда не доехал. В аварию попал, или мало ли. Но там такая нормальная тетка оказалась. Посмотрела по компу: в пятнадцать сорок он зарегистрировался и ключи получил. А я… я ведь понимала, чувствовала: в комнате его нет. Реветь начала. Тогда эта тетенька дала мне салфетку и сама пошла со мной. Отперла дверь. Ну и… – посетительница снова всхлипнула. Уронила на стол голову, начала рыдать.

«Соленая вода для полировки хуже кофе», – заволновалась я.

И строго произнесла:

– Давайте без истерик! Что вы обнаружили?

– Пусто-аа! – трагически ответила Вика.

– А вещи?

– Сумка в прихожей стоит. Одежда на кровать свалена. В ванной ничего. Только полотенце ручное смято.

– Похоже, не ночевал.

– Мы стали выяснять, – убитым голосом произнесла посетительница. – Горничная его на этаже вроде видела. Но еще до ужина. А в столовой он уже не появился.

– Откуда это известно?

– Мишка должен был карточку гостя показать и постоянный столик получить. Но администратор твердо сказала: Михаила Дивина она не рассаживала. И все! Больше никто ничего не знает!

– А видеокамеры там есть?

– Без понятия-а! – горестно взвыла моя клиентка. – Но это такой дом отдыха, старого типа. На КПП – дед с кроссвордом. В заборе дырки, от них тропы в лес. Я так думаю, Мишка пошел перед ужином прогуляться – и что-то с ним случилось.

Я быстренько открыла на мониторе карту. Уточнила:

– Деревня Кротово, которая в Люберецком районе?

– Да.

– Дом отдыха «Дубовая роща»?

– Вы так быстро нашли? – Вика порадовала мое самолюбие уважительным взглядом.

Я продолжала разглядывать карту. Хотя от Москвы не слишком далеко, лес вокруг деревни Кротово раскинулся щедро – километров на десять квадратных. Но если кругом протоптаны тропы, болтаются отдыхающие, можно ли там потеряться? Хотя у нас все можно. Я слышала, как один профессор, и, между прочим, кандидат биологических наук, заблудился на Лосином острове, в двух шагах от Кольцевой. И утонул в болоте.

– Нам надо проехать на место, – решительно заявила я.

– Вы беретесь за мое дело? – просияла гостья. – Ура!

Подскочила, вдруг пошатнулась, чуть не упала.

Я подхватила ее под локоть:

– Вика, ты что?

Вздохнула:

– Всю ночь не спала. А у меня вегетососудистая дистония. Если устаю, башка дико кружится.

Однако уверенно добавила:

– Но я все равно буду вам помогать.

– Конечно, – кивнула я. – Для начала кофе свари. Мне и себе.

Выпроводила Вику в приемную. Сама порылась в Пашиной тревожной сумке. Взяла оттуда огромных размеров камуфляжную форму, бинокль, компас, фонарик, баллончик с перцовым газом и таблетку убойного снотворного.

А резиновые сапоги, если понадобится бродить по лесу, у меня валялись в багажнике.

* * *

Я упрекаю своего шефа в пижонстве, но сама езжу на «Мини Купере».

– Ничего хуже для следственных действий придумать нельзя, – смеется Синичкин.

Да, транспорт мой приметен, не умеет влезать на бордюры и после дождя способен завязнуть на простейшей грунтовке. Но есть и плюсы: в сочетании с новым светло-песочным цветом волос и акриловыми ногтями я уверенно создаю образ дуры-блондинки.

Вика завистливо взглянула на моего красавчика, вздохнула:

– Классная тачка. А мне предки «Ниссан Террано» обещали. И то только на девятнадцать лет, еще почти год ждать.

– Тоже нормально.

– Да ну, – сморщила нос. – Сто пять лошадей, «Оку» не обгонишь. А я хочу экстремальным вождением заняться.

Я в ее годы каталась на старой отцовской «Волге»-пикап[1 - Подробнее о детективной истории, связанной с этой машиной, можно прочесть в рассказе Анны и Сергея Литвиновых «Ключ» (сборник «Горький инжир»).], поэтому разговор о скупых родителях поддерживать не стала – вернула его в русло нашего дела.

– А на чем твой Миша ездит?

– На «Мерседесе», – с уважением произнесла девушка. – С-класс.

– И снимает при этом квартиру на «Красногвардейской»?

– Ну, не на Патриках же снимать! За двести штук! Где живешь – того никто не видит. А на чем приехал – партнер по бизнесу сразу приметит, – Вика, похоже, процитировала жениха.

Я вбила в навигатор «Дубовая роща, Люберецкий район» и тронулась. Охранник НИИ, где мы с Пашей снимаем помещение, по имени Васька (тайно в меня влюбленный) открывать выезд с пульта не стал. Выбежал, лично поднял шлагбаум. Вытянулся в струнку, отдал честь. Обычно получал в ответ улыбку и «спасибо», но сегодня я лишь царственно кивнула.

Вика забеспокоилась:

– А вы крутая. Я не разорюсь вам платить?

С прайс-листом Павел Сергеевич обычно обращался вольно. С богатого кота мог содрать несусветно, но с бедняков иногда даже за расходы не требовал. Если у клиента с деньгами туго или мы дело проваливали. Но девушка, которой родители на день рождения обещали машину, особого снисхождения не заслуживала.

– Все зависит от того, где мы найдем Михаила. Минимум пятьдесят тысяч. Скорее всего, больше.

– А если вы его не найдете?

– Тогда три тысячи в день.

Сумма ее явно не испугала, и я поспешно добавила:

– Плюс расходы.

– Ладно. Столько я достану.

«У родителей?» – чуть не брякнула я. Но удержалась.

А Вика горестно выдохнула:

– Маман мне весь мозг вынесла. Уверяет: Мишка просто сбежал. Если узнает, что я в детективное агентство пошла, вообще, наверно, закопает. Но вот вы, профессионал, скажите – какой смысл сбегать настолько сложно?

Я не колебалась:

– Если он должен денег, люди и куда хитрее варианты придумывают.

– Не наш случай. Мишка у меня никогда ничего не брал, – возразила Вика.

– Нос не чеши, – посоветовала я. – Верный признак, что врешь.

Она покраснела. Фыркнула. Вцепилась в подлокотники. Выпалила:

– Ой, ну подумаешь! Пару раз с кредитом я ему помогла, за машину. У него же бизнес, дело нестабильное! То густо, то пусто.

– А чем он занимается?

– Овощами.

– На рынке торгует? – хихикнула я.

– Не смешно, – обиделась Вика. – Оптовые поставки. Картошка из Рязани, гранаты узбекские. В июне черешню из Краснодарского края возили.

– То есть в офис он каждый день не ходит. Как нет у него и самого офиса, – уточнила я.

– А смысл помещение держать? Только на аренду расходы.

Пожалуй, я начинала понимать Викину маму.

Мы остановились на светофоре. Я попросила:

– Можно Мишину фотографию посмотреть?

Думала – сейчас начнет листать в мобильнике галерею, выбирать лучшую. Но девушка вытащила кошелек. Осторожно извлекла из пластикового окошка аккуратный квадратик:

– Вот.

Ничего особенного. Не кривой, не косой – вот и все заслуги.

– Сколько ему?

– Тридцать два.

– Образование есть?

– Да. Технологический институт окончил. В Омске.

Вика вдруг всхлипнула:

– Что вы все выспрашиваете? Вам тоже нужен на него компромат? Всем хочется, чтобы мы расстались, чтобы я Мишу выгнала.

– А ты его так сильно любишь?

Она ответила – очень серьезно:

– До восьмого января – это день, когда мы познакомились, – я умереть хотела. Ничего впереди. Ни цели, ни перспектив. А Мишка… Он меня жить научил. Дышать. Показал, куда стремиться надо!

– И куда ты теперь стремишься? – спросила я.

Вика потупилась:

– Ну… я пою неплохо.

– Музыкалку окончила?

– Нет. Но всегда пела в школьном хоре. В конкурсах разных участвовала, в фестивалях. На Дне города выступала, в доме ветеранов. Прозябала, короче, на уровне социальных проектов. А Миша научил: на телевидение стремиться надо! Продюсера искать! Альбом записывать!

– И получается?

– В «Голос» пока не взяли. Но я теперь уроки эстрадного вокала беру. И в ресторане раз в неделю пою. Тоже полезный опыт, – не без гордости ответила она.

Я хотела попросить что-нибудь исполнить прямо сейчас, в машине, но даже выключить радио не успела. У Вики – голосом Монсеррат Кабалье – запел мобильник.

– Мама, – скривилась она. Нажала на «прием». И с лицом овцы за секунду до забоя произнесла: – Привет.

Громкую связь не включила, но голос у ее собеседницы оказался поставлен ничуть не хуже, чем у дочери-певицы.

– Виктория, папе плохо, – начала с места в карьер родительница. – Я везу его к Виктору Андреичу.

– Ну… хорошо, – вяло отозвалась дочь.

Голос возвысился на добрые полоктавы:

– Папе совсем плохо! Мне пришлось вызывать перевозку!

Вика закатила глаза:

– Что ты хочешь от меня? Чтобы я тоже подъехала к Виктору Андреичу?

– Зачем ты мне там? – пронзительно вопросила мать. – Просто будь в курсе, до чего довела отца своими глупостями. Ему ведь совсем нельзя нервничать!

– То, что Мишка пропал, – это глупости?! – в голосе девушки зазвенели слезы.

– Это мелочь, о которой ты забудешь через месяц, – отрезала женщина. – А отца любой срыв может довести до могилы. И виновата в его гибели будешь ты!

– Мамуля, не говори красиво. – Вика отключила телефон. С минуту помолчала. Потом неохотно буркнула: – Папа в первой чеченской участвовал. С тех пор у него с головой иногда… непорядок.

– В смысле?

– В смысле – бухает он. И от спиртного крыша еще больше едет.

– А кто такой Виктор Андреевич?

– Домашний врач наш. Психиатр-нарколог.

Я решила слегка поддержать клиентку. Произнесла сочувственно:

– Нелегко тебе.

Но Вика немедленно кинулась защищать родичей:

– Да вообще-то у меня предки нормальные. У мамы просто манера такая. В общепите своем привыкла. «Орать не будешь – ложки разворуют и счет не оплатят». А с папой – я сама виновата. Могла вчера в Мишкину квартиру поехать, но потащилась домой, – вздохнула. – Сама на нервах и им скандал устроила. Хотелось ведь, – взглянула жалобно, – чтобы пожалели, поддержали. Но маман мне выдала, что Мишка в доме отдыха себе бабу снял, потому и на звонки не отвечает. А папа начал декламировать, что нельзя плакать из-за ничтожества. Ну, меня и понесло. Все им припомнила… – отмахнулась горестно. – А отцу нервничать вообще нельзя, тут маман права.

Моя клиентка окончательно расстроилась, отвернулась к окошку, захлюпала носом. Под глазами синие круги, белки покраснели – тот еще видок.

Я решила больше не терзать ее расспросами. Задумалась.

Итак, Михаила последний раз видели вчера в 15.40, когда он получал ключи. Минули сутки. Заявление в полицию у Вики не приняли. Родителям Дивина ничего не сообщили. Получается, человека никто не ищет? И главное – с чего начать действовать мне? Расспрашивать персонал, отдыхающих? Узнавать, есть ли камеры видеонаблюдения, и требовать просмотреть записи? Или прочесывать вдвоем с невестой лес?

Пока Вика тоскливо протирала носом стекло окошка, я свернула навигатор, набрала в Интернете: «Дубовая роща, отзывы».

Дом отдыха, насколько получилось ухватить на скорости сто десять километров, оказался простенький. Корпуса советских времен, рваная сетка на волейбольной площадке, бассейн с подозрительно зеленой водой. «Шведский стол» постояльцы ругали – «капуста да свекла». Единственное, что хвалили, – кристальный воздух и «сказочный лес».

«Полтора пенсионера небось в подобном заведении», – подумала я.

Но едва свернула по указателю «Дубовая роща» – обалдела. Узкая подъездная дорога оказалась с обеих сторон уставлена машинами. «Жигулята» и джипы, «китайцы» и пижонские девчачьи «Ауди» стояли плотно, кое-где в два ряда.

Вика тоже опешила. Пробормотала:

– Что за аншлаг?

А я уже протолкалась к въездным воротам и увидела на площадке перед КПП большой фургон с яркой строкой на борту: «Ты не один!»

Фонд, который искал пропавших людей. Но как они могли здесь оказаться? Я всегда считала, что «Ты не один!» помогает, если исчезли дети. И работает только после того, как полиция завела дело.

– Вика, – строго сказала я, – жди в машине.

А сама помчалась в фургончик. Выпалила:

– Кто пропал?

Милая толстушка в фирменной футболке подняла взгляд от лэптопа:

– Отдыхающий вчера в лес ушел погулять и не вернулся.

– И вы прямо так сразу приехали?!

Дама чуть смутилась:

– У нас «Дубовая роща» на особом счету. Здесь в администрации наш лучший волонтер работает. Плюс места глухие. Мы уже им помогали, когда мальчик от мамы в лес убежал. Зайцев ловить. На второй день только нашли.

– Живым?

– Да. Он слышал, что его ищут, но прятался. Думал, игра такая.

И взглянула строго:

– Вы вообще поболтать пришли – или помочь?

– Помочь, конечно!

– Могу на раздачу питания поставить.

– А в лес?

– В таком виде? – усмехнулась женщина.

– У меня в багажнике камуфляж. Сапоги, компас и даже фонарик.

– Тогда берите все и бегите переодеваться. Грузовик уходит через пятнадцать минут.

Времени совсем впритык, и церемониться с Викой я не стала.

Бегом вернулась в свой «миник», достала таблетку, бутылку воды и приказала:

– Немедленно пей.

– Это что?

Я постаралась максимально воспроизвести тон строгой Викиной мамы, повторила:

– Пей сейчас же!

И она проглотила.

А я строго произнесла:

– Это снотворное. В таком состоянии от тебя все равно никакого толку.

– Чушь, – отмахнулась она. – Я вчера у мамы стащила феназепам. Вообще не подействовало.

– Это подействует. Быстро мчись в номер и ложись, пока прямо здесь не срубило. Но не боись: всю инфу я тебе буду скидывать – через смс или в мессенджер. Проснешься и прочитаешь.

– Но… я ведь должна всем сказать? Что вы на меня работаете, чтобы вам оказывали содействие? – захлопала глазами она.

Я не стала ей объяснять, что удостоверения детектива у меня попросту не имеется. Да если бы и было, частный сыщик – не полиция, оказывать ему содействие никто не обязан.

– Вика, ты заказчик. Я исполнитель. Поэтому спокойно спи, и работать предоставь мне, – усмехнулась я.

* * *

Волонтеры в фонде оказались людьми простодушными и открытыми. Пяти минут не прошло – я уже поняла: искать Дивина приехали от скуки. Грибы пока не пошли – старики в лесу не пропадали, детей развезли по морским курортам, добровольцам, видимо, не хватало привычных порций адреналина, поэтому и откликнулись на призыв спасти молодого и здорового мужчину.

– Уже больше трехсот человек приехало! – сообщила мне поджарая пожилая дама с интересной прической: выбритая голова, и только по макушке идет ярко-красный кок. Точно такого цвета, как волосы у моей заказчицы. Неужели в стране новый тренд, а я и не знаю?

На всякий случай спросила:

– Извините… А вы, случайно, не панк?

Женщина рассмеялась:

– Я внуку проспорила. Что сделаю любую прическу в обмен на годовую пятерку по математике.

– А он у вас жестокий, – улыбнулась я.

– Ага. По городу теперь ходить стыдно. Приходится в лесах прятаться, – подмигнула женщина.

– Вы не первый раз ищете?

– Что вы! Я почти каждую неделю участвую.

– А прямо сами находили кого-нибудь?

Женщина погрустнела:

– Единственный раз. Старичка. Мертвого. Но в целом сейчас статистика гораздо лучше. Раньше меньше половины был результат. А когда вертолетный отряд подключился, гораздо эффективнее стало. Почти всех живыми вытаскиваем.

Грузовик пробирался по довольно широкой дороге, я жадно вертела головой. Лес не казался таким уж густым или непроходимым. И тропки по нему то и дело бежали.

– Как можно здесь заблудиться? – пробормотала я.

– Отсюда, из «Дубовой рощи», за прошлый год троих искали. Лично мы – ребенка. Военные – двух взрослых, – просветила меня прогрессивная бабушка. – Тут дорога – только со стороны въезда. А отдыхающие обычно выходят в другую сторону. Терренкура или хотя бы тропы официальной нет – каждый сам протаптывает. Будь рядом деревни, где самая хоженая дорожка обязательно ведет к жилью, терялись бы реже.

– В телефонах есть компас. И навигатор по GPS может вывести.

– Только любой смартфон дохнет через пару часов. Особенно если определение местонахождения включить, – парировала дама с красными волосами.

– Все равно не понимаю. Молодой мужчина – и не нашел выхода? Ну видишь, что телефон помирает, хотя бы в Службу спасения позвони, координаты свои сообщи. Или костер разведи!

– «Мне было стыдно» – это любимое объяснение мужчин-потеряшек. Некоторые даже «ау» кричать стесняются.

– А что их столько людей ищут – не стыдно? – вспылила я.

Развить мысль мне не дали – грузовик затормозил. Юный, но уверенный в себе парень провел инструктаж: идем цепью, до соседей справа-слева – максимум пять метров, из виду ни в коем случае своих спутников не теряем.

– Смотрим под ноги, любое необычное – окурок, след, обрывок одежды – фотографируем. Кричим только по делу. Все идеи и сомнения обсуждаем на привале, через километр.

Поначалу я бросилась на свою делянку с рвением щенка охотничьей собаки. Каждый кустик обнюхивала, к любой смятой травинке наклонялась, смело обшаривала крапиву. Добровольная опекунша – дама с алым коком – шла по соседству. Постоянно ко мне оборачивалась, просила: «Не отставай».

От силы через сотню метров сквозь паутину и бурелом я поняла: человек в ближайшие месяца три здесь не ходил. А когда через два часа куратор объявил привал, я совсем сникла, потому что похвастаться могла только пожелтевшей от времени и дождей пустой сигаретной пачкой.

Время близилось к вечеру, две девицы – по виду студентки – подняли ропот: что жарко, клещи, и вообще участок тухлый, ничего мы здесь не найдем.

Будь я начальником, мигом бы рявкнула, но куратор очень мягко попросил слабачек потерпеть до восьми, пока не начнет смеркаться. Группе надо было прочесать еще минимум километр.

Моя новая приятельница шепнула:

– Обычное дело. На поиск многие за приключениями едут, рассчитывают, что в боевик попадут. А получают полную скучищу. Вот и начинают ныть. И больше не приезжают, конечно.

Я, разумеется, не мечтала за пару часов лично найти Михаила, но тоже не ожидала, что прочесывать лес окажется настолько нудно. На следующем привале обратилась к куратору:

– А почему нам вертолет не помогает?

Молодой человек вздохнул:

– Поздно сообщили. Разрешение на вылет не успели получить. Но завтра с утра обязательно подключатся.

День стремительно гас, пахло малиной и горячей травой.

Михаил отсутствовал уже 28 часов, и я с трудом представляла, что он до сих пор в лесу. Плюс все мое существо протестовало против того, что десятки, сотни людей побросали свои дела и в буквальном смысле ищут иголку в стоге сена. Какое может быть прочесывание в нашу эпоху современных технологий?

– Этот потеряшка ведь с мобильником ушел? – снова подступила я к нашему шефу.

– Да сел у него давно телефон, неужели не понятно? – желчно вмешалась в разговор одна из заскучавших студенток.

Я возразила:

– Сотовые операторы могут посылать сигнал сим-карте даже при отключенном девайсе. Он будет принят симкой, и его зафиксируют ближайшие вышки сотовой связи. А потом достаточно просто на карту взглянуть.

– Да? Я не знала, – оживилась студенточка. Строго нахмурила брови: – Почему тогда этого не сделали?

– Сделали. Давно, – махнул рукой куратор. – Но местонахождение телефона не определяется.

– И что это значит? – не отставала девица.

– Аппарат сломан. Или уничтожен. Или просто вышки далеко, – коротко объяснил молодой человек.

И отправил нас на новый этап поисков – прошла я его, признаюсь, почти совсем без энтузиазма.

Надо поскорее заканчивать эти игры в бойскаутов. В доме отдыха, в прямом контакте с Викой и возможными свидетелями, я узнаю куда больше, чем здесь.

* * *

К штабному минивэну нас привезли в половине десятого вечера. Ноги гудели, нос нещадно чесался – я все-таки умудрилась сунуть его в крапиву. Встречали бутербродами и скупым: «Поиски сегодня результатов не дали». Но всех звали приехать завтра – хотя и обещался вертолет, сесть он может далеко не везде, добровольцы всегда пригодятся.

– Ты приедешь? – обратилась ко мне дама с экстравагантной стрижкой.

– Вряд ли.

– Я, если честно, тоже – взрослых ищу как-то без вдохновения, – призналась она. – Совсем другое дело, если ребенок пропал.

Мы распрощались, я села в машину. Но двигатель заводить не стала. Стянула с себя камуфляж, переобулась в босоножки и побежала в «Дубовую рощу».

Вместо старичка с кроссвордом КПП теперь охраняли двое амбалов. Они упорно требовали курортную книжку, но все-таки удовлетворились паспортом и честным словом, что я не журналист, а просто приехала в гости к подруге.

Вике я, как и обещала, еще из лесу отправила несколько эсэмэсок. Ни на одну из них она не ответила. Я поняла: американское снотворное работает. Решила ее не будить. Побродить пока по территории, поболтать с народом.

С ходу раскалывать бдительных администраторш на рецепшн не решилась. Двинулась к одноэтажному помещению с гордой вывеской «КЛУБ». Культурное заведение явно не пустовало. На крыльце совсем малолетние дети соревновались, кто сможет проползти по трем щербатым ступенькам и не свалиться, изнутри завывал «Учкудук, три колодца», две особы с тоскливыми лицами молодых мамаш курили на лавочке рядом.

Я бодро взлетела на первую ступеньку, но дальше пришлось задержаться – малышня полностью перегородила проход, а перешагивать через отпрысков на глазах у их родительниц, безусловно, не следовало. Пока примерялась, как сделать шаг половчее, вдруг услышала:

– А я тебе говорю – там труп! – громко заявила одна из женщин.

– Где? – я резко обернулась, приняла любопытный и глупый вид.

Мамаши, против ожидания, приняли меня дружелюбно. Та, что говорила про покойника, показала рукой – садись, мол. Вторая охотно объяснила:

– Да вот Мила у нас экстрасенс. И видение ей было, что убили этого парня.

– Кто? – деловито спросила я.

Предсказательница глубоко затянулась сигаретой и начала обстоятельно объяснять:

– Денег он задолжал. А отдавать не хотел. Митя (это ребенку), слезь оттуда сейчас же!

– И как его убили? – я широко распахнула глаза.

– Позвали в лес. Просто поговорить. Может, по шее дать – для науки. А когда он темнить начал – не выдержали. Битой по голове, насмерть, и в волчью яму. Закопали, потом лапником забросали.

– А где? Тут, недалеко?

– С километр где-то, – важно отозвалась Мила. И торопливо добавила: – Но место точное показать не могу. Я только как было вижу, а чтобы прямо конкретно привести – специальные обряды делать надо. Этого не умею.

– А если с собакой, то можно найти? – азартно спросила вторая мамаша.

– Со служебной? Запросто, – кивнула Мила. – Только ведь не ищет никто!

– А добровольцы? – осторожно произнесла я. – Они бы свежую могилу заметили!

– Что с них взять? Лопухи против профессионалов, – отмахнулась Мила. – У меня муж в спецназе служил, рассказывал, как захоронения маскировать: землей хорошенько засыпать, деревьев молодых присадить, лапником забросать – сроду никто не заметит!

Я принюхалась: от мамаши-экстрасенса ощутимо попахивало пивком. Болтает всякую ерунду. Зря только время трачу.

Но войти в клуб, как собиралась, не успела.

Зазвенел мобильник, я немедленно отозвалась и услышала восторженный Викин голос:

– Мишка нашелся!

* * *

Через пять минут мы в Викином номере вдвоем разглядывали эсэмэску в ее телефоне: «VISA 7587 07.08. * 21.05 выдача 28 000р ATM 11605420 Баланс 19.04р.».

Клиентка горячо шептала мне в ухо:

– Эта карта вообще-то моя, но я ее Мишке дала. В ресторане расплатиться, когда мы помолвку праздновали – у него с деньгами сложно сейчас, я говорила. А потом Мишка попросил оставить – ему еще за бензин заплатить было надо…

Я с удивлением взглянула в ее счастливое лицо. Осторожно произнесла:

– А чему ты тогда радуешься?

– Он жив! Раз деньги снимает!

М-да. Американское снотворное помогло девушке выспаться, но на ее мыслительных способностях отразилось не лучшим образом.

Как бы аккуратнее сказать, чтобы ее не обидеть?

– Но карта твоя. А снимает он. С какой стати?

Вика побледнела:

– Или ее украли? Это кто-то другой делает?!

– А пин-код? Миша хранил его в кошельке?

– Нет. Он на память выучил… – девушка сразу сникла. Произнесла растерянно: – Вот если бы я знала, где этот банкомат…

Смысла в последнем я не видела. Но небрежно отозвалась:

– Нет ничего проще.

Мой планшет, хотя и помещается в дамскую сумочку, начинку в себе хранит серьезную. Я вбила номер ай-ти-эма в нужную базу данных, вгляделась в список:

– Торговый центр «Перловский». Это в Мытищах, рядом с одноименной станцией. О чем-то говорит?

– Вообще первый раз слышу, – растерянно проговорила она. – Но там наверняка есть видеокамера! Надо посмотреть, кто взял деньги!

Я вздохнула. Допустим, есть – но доступа к записям мне никак не получить.

– Пин-код можно взломать, – неуверенно заметила Вика.

– Сложно и долго. Если карта в чужих руках, куда проще сделать по ней покупку в Интернете. Безо всякого пин-кода. А тут еще сразу нужную сумму сняли. Ровно сколько было.

– Я понимаю. Вы хотите меня убедить, что Мишка сбежал, – грустно сказала Вика. И заломила руки: – Но зачем?! Чтобы украсть двадцать восемь тысяч? Так я ему и так их дала!

И вдруг заревела:

– Его убили, наверное, в лесу! И карту забрали!!!

Я промолчала. Раз кредитка принадлежит Вике, Михаил теоретически мог подстраховать память, записать где-то в своих бумагах пин-код. А злоумышленники этим воспользовались.

– Вика, у него хоть какие-то свои деньги имелись? На картах или наличными?

– Ну, я говорила ведь вам… – проворчала она. – У Миши сейчас все в бизнес вложено. А дела не очень идут. Что-то было, наверное. Но немного.

– Все равно у нас есть лишь две версии, – твердо продолжила я. – Первая – человек заблудился или, не дай бог, погиб. Вторая – он сбежал. В лесу его искали и будут искать. А мы пока давай рассмотрим второй вариант. Как

думаешь, мог Миша заранее подготовить эту комбинацию? Привезти тебя сюда – и исчезнуть?

Девушка задумалась. Потом решительно сказала:

– Нет.

– Почему? Веришь в его глубокую порядочность?

– Да никакой он особо не порядочный, – вздохнула невеста. – Кинуть, если захочет, может. Но зачем огород городить? Хотел бы – просто ушел. И золото бы мое взял – я его на съемной квартире держу. И все деньги – у меня на второй карте тысяч двести, пин-код Мишка тоже знает. Но мы-то изначально вместе ехали в дом отдыха. Если бы не мама с ее билетом на Кабалье, и поселились бы в одно время. Жили в одном номере, гуляли! Как бы он сбежал, если бы театр не нарисовался? Ночью, когда я сплю? И зачем тогда все свои вещи оставлять?

– Чтобы ты считала его жертвой, а не подлецом.

– Нет, – твердо повторила Вика. – Миша бы никогда так не сделал.

Но лицо у нее стало совсем печальным.

– Ты смотрела, что в его сумке? – поинтересовалась я.

– Нет.

– Давай вместе проверим.

– Зачем?

– Ну, если он решил сбежать, обязательно взял бы с собой паспорт.

– Мишка и так борсетку никогда не оставлял. Тем более тут ни сейфа, ничего… Дурак! Она у него вечно набита: дисконтные карты, визитки! Какие-нибудь узбеки, наверное, увидели – и позарились! Я читала, они даже из-за мобильника

старого убить могут!

Слезы снова закапали из Викиных глаз.

Мишина одежда довольно аккуратной стопкой так и осталась лежать на краю двуспальной кровати – Вика спала на другой половине. Рядом с ее подушкой валялась смятая, очевидно мужская, майка.

«Запах его вдыхала. Наивная», – жалостливо подумала я.

Но заострять внимание на сем факте не стала.

Быстро просмотрела футболки, джинсы, шорты, свитера. Вика комментировала:

– Это «Лакост», из новой коллекции. Бешеных денег стоил. А свитер – чистая шерсть, Мишкин любимый…

Я заглянула в сумку. Извлекла оттуда два пакета. В первом оказались чистые носки и трусы. Во втором – мочалка с шампунем. Следующим под руку попался лэптоп.

– Видите! – возликовала невеста. – Он его не забрал.

– Дай, пожалуйста, посмотреть, – я вынула компьютер из дешевенького кожзамного кейса.

Pavilion. Даже фирмы такой не знаю. И по виду довольно древний.

– Пароль есть? – поинтересовалась у Вики.

– Да, но я его, разумеется, знаю! – возмутилась она.

– А от почты? – вкрадчиво продолжила я.

Девушка слегка покраснела:

– От почты не знаю. Но Миша из ящика никогда не выходит. Так что я иногда…

– Держала руку на пульсе, – помогла я. Похвалила: – Правильно.

И включила лэптоп.

На обоях красовались нейтральные горы с водопадом.

– Пароль на вход – «I always win»[2 - Я всегда выигрываю (англ.).], – подсказала девушка.

Самоуверенный молодой человек.

На главной панели сиротливо висели всего две папки: «Договора» и «Планы».

Но я предложила:

– Давай сначала почту посмотрим. А потом сайты, куда он ходил.

Вай-фай в доме отдыха работал прилично, и почтовый сервер мы загрузили сразу. Ящик назывался «Mikethebest111»[3 - Майк – самый лучший (англ.).]. Пароль, как и предсказала невеста, сброшен не был.

Я придвинула компьютер ей:

– Давай ты.

Вика уверенно кликнула на «входящие».

Семь новых писем, первое из них пришло вчера в 17.40. То есть после исчезновения Михаила.

Девушка проглядела список, начала уверенно объяснять:

– Три от Петьки, они вместе дела крутили, Лили – это сестра его, из Омска. Денис Петрович – не знаю… – Нахмурилась: – А это еще что за «Verochka-Kroshka»?

Уверенной рукой открыла письмо:

Уважаемый Михаил!

Искренне рады, что Вы заинтересовались нашей продукцией. Крупнооптовая партия начинается от пятнадцати тонн. Если Вы готовы брать такие объемы, с удовольствием обсудим с Вами особые условия сотрудничества.

С наилучшими пожеланиями,

менеджер Вероника Крошкина.

Облегченно выдохнула, проворчала:

– Мозг надо включать, когда себе такое имя для почтового ящика придумываешь. Верочка-крошка, блин. Прям для эскорт-услуг.

Вопросительно взглянула на меня:

– Посмотрим, что Петька пишет? Но там обычно скучища.

– Открой лучше это, – я показала еще на одно непрочитанное письмо – из крупного банка.

– «Сберхран»? – удивилась Вика. – У Мишки счет в другом. И карточки все тоже.

Но послушно открыла послание:

Уважаемый Михаил Николаевич!

Рады сообщить, что все представленные Вами документы соответствуют требованиям банка, и кредит Вам одобрен. Ждем Вас вместе с Вашим поручителем в нашем офисе.

– Кредит, опять кредит! – вздохнула девушка. – Сколько мы с ним спорили!

– А у него их много?

– Три. На машину и два потребительских. Вроде суммы и небольшие, но вечно некстати. Три раза в месяц вынь да положь: то пятьдесят, то тридцать две, то двадцать. Очень неудобно, когда постоянной зарплаты нет.

– И он хотел еще один взять, – осудила я. – На что?

– Я-то откуда знаю? Крошкиной, наверно, этой заплатить. За крупнооптовую партию, – проворчала Вика.

– А сумма там большая?

– Откуда я знаю? В письме этого нет. Сами видели.

– Но раз кредит одобрен, у твоего жениха, возможно, есть текст. В распечатанном виде. Поищем? – предложила я.

– В Мишкиной сумке потайной кармашек. Посмотрите там, – вяло предложила клиентка.

– Лучше ты.

Она послушалась. Расстегнула молнию на дне. Вынула оттуда файл с бумагами. Смотреть не стала – сразу отдала.

Это действительно оказался кредитный договор. Я открыла его и присвистнула:

– Ничего себе! Десять миллионов.

– Сколько?!

– Десять миллионов. Нормальную «двушку» в Москве можно купить.

– Безумие. Я бы его отговорила, – заявила невеста, не слишком, впрочем, уверенно.

– А вот еще интересный момент, – я быстро проглядела документ. – Знаешь, кто там поручитель?

– Да кто. Петька, как всегда.

– Нет. Ты.

– Да ладно!

– Так тут и справка с твоего места работы есть. Ты в ООО «Велес» трудишься?

– Нет… Я вообще нигде не работаю.

– Сама посмотри.

Она жадно вгляделась в документ. Пробормотала пораженно:

– Да, правда… Какой-то «Велес». Никогда не слышала. Но все остальное мое. Фамилия, год рождения, адрес, паспортные данные… И зарплата приличная – шестьдесят тысяч в месяц!

Взглянула с ужасом:

– Но я ведь не подписывала этот договор?

– Нет, – успокоила я, – это только проект.

Однако Вика совсем разнервничалась, заломила руки:

– А вдруг он мою подпись тоже подделал? Если справку с места работы смог?!

Я уверенно произнесла:

– Насколько я знаю, поручитель обязан лично на сделке присутствовать.

– Вообще очень странно, что Мишка такое затевал… И даже не обсудил со мной… – пробормотала Вика.

«А кто ему карточку отдал? И другие кредиты гасит?» – усмехнулась про себя я.

И произнесла назидательно:

– Возможно, он тебе собирался на отдыхе сказать. Выжидал момент, когда ты будешь добра и расслаблена. Или вообще думал промолчать. Фальшивая справка из ООО «Велес» – уже поступок. Может, и твою подпись на кредитном договоре думал подделать. Официально поручитель, конечно, должен на сделке присутствовать, но сейчас полно агентств. Берут процент от суммы кредита – и требования банка как-то обходят.

Вика топнула ногой:

– Мишка не подставщик!

– А если договор вдруг уже заключен и Михаила признают пропавшим без вести, десять миллионов придется платить тебе. Поручителю.

– Гарантирую: никакого договора нет! – твердо произнесла моя клиентка.

Я взглянула на ее щиколотку. Японский иероглиф. Желание.

В памяти вдруг всплыло, и я пробормотала:

– «Не пренебрегай упреками в свою сторону», – говорил один великий воин.

Несостоявшаяся невеста взглянула печально:

– Такэда Нобусигэ читаете?

Я врать не стала:

– Только эту цитату знаю.

А Вика неплохо образованна для своих восемнадцати с половиной.

Но чертовски упряма.

Потому что уверенно и беспечно улыбнулась:

– Мишка просто заблудился в этом треклятом лесу. И завтра его обязательно найдут.

* * *

К ужину мы безнадежно опоздали, идти в кафе Вика отказалась категорически. Я – если занята – легко обхожусь без еды, но клиентку следовало покормить. На одном кофе с утра (как она сама призналась, вся ее еда за день) долго не протянешь.

– Сейчас принесу поесть, – не терпящим возражений тоном сказала я. – А ты пока в Мишином компьютере покопайся. Всю почту тщательно посмотри, сайты, куда он заходил. Социальные сети.

– Сама бы не догадалась, – клиентка жадно всматривалась в монитор.

Теперь, когда зерно сомнений посеяно, землю носом рыть будет.

Я спустилась на первый этаж.

Болтливая и возбужденная от происшествия продавщица кафе без всяких наводящих вопросов выложила мне последние новости: что Михаила не нашли, основная масса волонтеров разъехалась, но четверо остались – администрация предоставила им бесплатный номер. Ждут вертолет – вроде должен быть завтра на рассвете.

Я набрала бутербродов, свежей выпечки, сока, взяла чек (подшить к отчету о расходах) и поспешила обратно. Рассчитывала: пока Вика увлечена компьютером, ее легко будет подкормить с рук. Я так всегда поступаю, когда Синичкин погрязает в каком-то деле и забывает поесть.

Взбежала на этаж и увидела: из лифта выходит пара. Мускулистый, с сексуальными морщинками вокруг глаз стального цвета, похожий на шерифа мужчина под руку с дамой. Та до его уровня недотягивала – пусть обработана ботоксом и наряжена в дорогое. Но держала своего спутника властно и цепко.

На первый взгляд у обоих ничего общего не было с Викой. Но мой натренированный мозг мигом вспомнил ее лошадиное лицо. Серые – похожие, правда, не на сталь, а на мышиную шерсть – глаза. Нос – такой же прямой, непонятно зачем испорченный пирсингом. Дочка явно унаследовала породу отца, но не его шик и красоту.

Поискать фамильные черты в матери я не успела.

– Где здесь номер триста пятнадцать? – резко, словно к горничной, обратилась ко мне дама.

– Вы Викины родители? – уверенно произнесла я.

– Да, – отец слегка улыбнулся, и сеточка морщин вокруг глаз окончательно сделала его похожим на Алена Делона.

Я уловила отчетливый запах перегара. Почему все красавцы – обязательно или подлецы, или пьяницы?

– А вы кто такая? – неприветливо поинтересовалась мать.

Выдавать Вику, безусловно, не стоило. К счастью, я на сыщика мало похожа. И импровизировать умею. Потому затараторила:

– Мы с Викой здесь, в доме отдыха, познакомились. Мне так жаль ее! Она очень переживает, в столовую не ходит. Говорит, кусок в горло не лезет. Вот, несу бутерброды, хочу уговорить, чтобы поела.

Я продемонстрировала свои пакеты.

– Мы сами ее покормим. Давайте, – мадам протянула руку.

– Ира, ну ты чего! – укорил муж. Тепло улыбнулся, взял мою мигом обмякшую лапку в сильные, теплые ладони, произнес: – Спасибо большое за дочь. Меня зовут Юрий. А вас?

– Римма.

Я вспомнила не столь давний Викин разговор с мамой. Судя по нему, отца в тот момент везли к наркологу. Хороший же у него доктор! Сейчас передо мной стоял полностью адекватный здоровяк, пусть и попахивало от него. Впрочем, Синичкин рассказывал: запойным сейчас какие-то волшебные капельницы ставят. Вместе с токсинами еще и лет десять скидываешь.

Мамашке явно не нравилось, что Юрий по-прежнему держит мою руку в своих. Она заторопила:

– Пойдем уже к Вике.

Отец не двинулся с места. И ладонь мою не выпустил. Спросил:

– Как она?

– Держится. В Мишином компьютере лазит, ищет зацепки.

Мужчина одобрительно кивнул:

– Правильно. Это вы догадались ее делом занять?

– Все лучше, чем тупо плакать.

– Да Михаил ее слезинки не стоит! – с пафосом изрекла маман по имени Ирина.

Я сама освободила свою длань из рук Викиного отца. Подвела гостей к двери номера, постучала, весело объявила:

– Служба доставки!

Вика обернулась от компьютера. Прошептала растерянно:

– Мама?

А встретилась глазами с отцом – и просияла.

Следующий, вопросительный взгляд адресовался мне.

Я положила на стол пакет с провиантом, со значением произнесла:

– Вик, ну, если тебе больше ничего не нужно, я пойду пока к себе в номер.

Она взглянула благодарно, подыграла:

– А ты когда уезжаешь?

– Завтра утром. Желаю, чтобы твоего жениха побыстрее нашли!

– Конечно, Михаил найдется! – уверенно произнес отец.

А мать с неприкрытым презрением добавила:

– Взрослый мужик. Не хромой, не убогий. Как можно было в лесу заблудиться? Зачем такого вообще искать?!

Сейчас будут вдвоем Вике на мозг давить, что ее кавалер сбежал, – поняла я.

Однако спустя полчаса, когда я ехала домой, на мобильнике высветился номер брошенной невесты. Фоном грохотал шум воды. Девушка прошептала:

– Я от них в душе спряталась. Римма, продолжайте его искать. И пришлите мне номер вашей карты. Я перечислю аванс. Сколько нужно?

Синичкин меньше пятидесяти тысяч обычно не брал, но я оценила Михаила чуть подороже пропавшего кота – в десятку.

* * *

Следующее утро в череде сонного августовского безделья оказалось приятным контрастом. В офис я не брела, но мчалась – почти как на праздник! Ведь у меня имелось собственное интересное дело, аванс плюс огромная куча наметок и версий!

Оперативное чутье (научилась кое-чему за долгие годы работы с Синичкиным!) подсказывало: скорее всего, Михаил в лесу не терялся. Он сбежал. В чем смысл – бросать богатую, пусть и не слишком красивую невесту-москвичку, я пока не понимала. Тем более Вика суженому в рот смотрит, реплики его цитирует, да еще и деньжат подкидывает безвозмездно.

Ладно, подумаем пока о другом.

Куда он мог двинуть – чисто технически?

Авто Викиного жениха, как я выяснила вчера, осталось в доме отдыха на парковке.

Но от станции Кротово до «Дубовой рощи» ходил автобус. Дальше – электричка, Москва, и езжай куда угодно.

Еще недавно достаточно было компьютер включить, войти в купленную по сходной цене базу данных – и все передвижения человека известны. Но нынче лавочку прикрыли. Будь я сотрудником органов – хоть наркоконтроля, хоть ФСО, – узнала бы без проблем. А так приходилось рассчитывать исключительно на личные связи.

К счастью, в доме, где я живу, недавно сменили старичка-участкового, и новый назначенец оказался молодым, падким до юных дев вроде меня и чрезвычайно

любознательным. А когда выяснил, что я работаю в детективном агентстве, пришел в абсолютный восторг. Стал заглядывать на чай, расспрашивать о специфике. Кадрился – не слишком, по счастью, нагло. Его я и озадачила просьбой узнать о передвижениях гражданина Дивина.

Потом заварила себе бадейку кофе, вернулась за начальственный стол и решила зайти с другой стороны. Может быть, Мишин купи-продай-бизнес в упадке? В огромных долгах? И убегает он вовсе не от Вики?

Доступ к реестру индивидуальных предпринимателей у меня, к счастью, имелся. Я легко выяснила: в черном списке Викин жених не значится. Честно подает декларации, платит невеликие налоги, производит отчисления в Пенсионный фонд. Возможны, конечно, теневые сделки и неофициальные долги, но, судя по скромным суммам реальных контрактов и совсем небольшим – в масштабе бизнеса – займам у невесты, плавал Михаил мелко. Кредит (пока не взятый) на десять миллионов перекрывал все его предыдущие «купи-продай» в разы.

А может быть – продолжала размышлять я – Михаил никуда не терялся? И случилось с ним кое-что пострашнее?

В нашей с Синичкиным практике имелись случаи, когда преступники (для отвода глаз или чтобы побахвалиться) являлись в детективное агентство – поручить нам искать тех, кого сами и погубили.

Вика мало походила на подобную коварную особу. А вот мамаша слишком не скрывала, что на дух не переносит потенциального зятя.

Надо навести о ней справки – и ее красавце-супруге.

Я открыла новую базу данных.

Отец девушки Юрий не привлекался, ни на каких официальных учетах не состоял. Однако биографию имел весьма занятную. Школу окончил с медалью, но в институт не пошел. Отправился в армию, причем в самое тревожное время. Отслужил срочную в Чечне. Потом еще четыре года по контракту. А в двадцать шесть с первой попытки поступил на факультет ВМК в МГУ. Сейчас трудился – удаленно – системным администратором.

Но самое интересное обнаружилось, когда я отыскала красавца со стальным взглядом в социальной сети. Ждала – как обычно у дядек в возрасте – фоток из отпусков да перепостов про Навального, но обнаружила, что он постоянно обретается в сообществе эзотериков. Причем имеет там определенный вес. Неофиты просят у него советов и комментариев.

Некто Павел Р. всю жизнь грезил о море, однако прозябал с нелюбимой женой и на скучнейшей сухопутной работе. Юрий уговорил его изменить «порочный типовой паттерн», и вот Павел продает квартиру, бросает супругу, обнуляет счета. «И теперь я живу на яхте, и она зарегистрирована под английским флагом, и я уже почти уговорил одну потрясающую девушку отправиться вместе со мной в кругосветку».

Прочие члены клуба в своих комментах дружно восхищались смелым поступком и хвалили Юрия за отличный совет. Я же подумала: а каково оставленной супруге? И не общую ли их квартиру герой продал?

Еще одна ветка сообщества называлась «Знаки свыше». Речь там шла о вещих снах и прочей мути. Юрий тоже принимал участие в обсуждениях. О собственных видениях, правда, не рассказывал (хотя, если допивался до белой горячки, они у него наверняка имелись). Но всем желающим охотно растолковывал их предзнаменования. Судя по потоку благодарностей, часто попадал в точку. Интересный экземпляр.

Время близилось к вечеру, но я все-таки взялась еще и за биографию Викиной мамы.

Та оказалась дамой абсолютно приземленной. Жизнь свою строила целеустремленно и крепко. После школы – пищевой техникум, параллельно – работа официанткой, далее – несколько кулинарных семинаров, платные бизнес-курсы, администратор, потом директор ресторана. Пару лет назад выбилась в настоящую бизнес-леди – организовала сеть кафе быстрого питания «Пироги и пышки», недавно начала выдавать франшизы. При этом – Вика не соврала – успевала работать в совете их многоквартирного дома, однажды баллотировалась в депутаты и голосовала на сайте мэрии за и против различных новшеств. Билет на концерт Монсеррат Кабалье действительно достался самому активному гражданину августа. Но была ли счастливчиком конкретно Викина мама, из открытых источников узнать не удалось.

«Может, несостоявшаяся теща этому неудачнику Мише просто денег дала, чтоб он исчез из дочкиной жизни? – предположила я. – А тот, раз уж в руках Викина карточка оказалась, заодно и оттуда все бабки снял?..»

Версия мне понравилась – я записала ее в блокнот под номером первым.

Перед тем как отправиться восвояси, позвонила заказчице.

Та вялым голосом отрапортовала: до пяти часов вечера они с родителями сидели в доме отдыха. Идти в лес – помогать волонтерам искать жениха – мама с отцом ее не пустили категорически.

– Ты вроде совершеннолетняя, – усмехнулась я.

– Папа на взводе, – вздохнула девушка. – Я не хотела, чтобы его опять понесло. А Мишу все равно не нашли. Хотя и вертолет был.

– И где вы теперь?

– Домой приехали. Вот думаю, что с Мишкиными вещами делать.

– А что с ними делать? Пусть стоят пока. Надежды не теряем, – подбодрила я клиентку.

Но на следующий день с утра взялась за самую неприятную для моей заказчицы версию.

В России не так давно создали сайт, куда девушки скидывали фотки альфонсов и свои печальные истории. Я предположила: а вдруг Дивин – один из них, из охотничков подоить не слишком красивых и не особо уверенных в себе дам? Тем более что Вика идеально подходила на роль жертвы: москвичка, богатенькая, красотой и особым интеллектом не отягощена.

Но сколько я ни вглядывалась в фотографии, ни читала печальных историй, фигурировали в них исключительно мускулистые псевдодесантники и разведчики с эффектными легендами. Да и работали мошенники с куда большим размахом: отжимали у жертв квартиры, брали на их имя сумасшедшие кредиты.

Торговец овощами с его скромным похищением двадцати восьми тысяч рублей в коллектив профессиональных альфонсов явно не вписывался. К тому же Михаилу, на мой взгляд, куда выгоднее было Вику не обманывать, а банально на ней жениться.

Мой добрый участковый позвонил, отчитался: по всем базам Дивина пробил. Границу России Михаил не покидал, билетов на поезд, самолет и водные виды транспорта не приобретал. Оставался, конечно, вариант, что товарищ где-то затаился или передвигается на электричках или междугородних автобусах, где паспорт не всегда спрашивают, но я не слишком в подобное верила.

Время абсолютно незаметно подкралось к обеду. Я стараюсь летом сидеть на фруктах, но мозговой штурм последних дней пробудил бешеный аппетит. Я была готова к супу и даже бумажной котлетке, которую изготовляют в столовой нашего НИИ.

А как, интересно, Вика? Почему не звонит, не интересуется ходом следствия? Но дергать клиентку я не стала. Тем более что никаких серьезных версий у меня пока все равно не имелось.

* * *

За обедом я обычно впадаю в полное легкомыслие. Максимум, о чем думаю, – как организовать вкусный низкокалорийный ужин и не пора ли записаться на окраску бровей. Но одно дело, когда знаешь: Паша, если что, всегда выручит и прикроет. И совсем другое – твое личное следствие. Мысли и во время еды вертелись исключительно вокруг дела, поэтому в свою комнатуху я возвращалась не расслабленно, как обычно, а практически рысью – не терпелось проверить парочку новых идей.

Однако под запертой дверью агентства я увидела Вику – и, совсем забыв о солидности, припустила бегом.

Она по-своему истолковала мою спешку.

Кинулась ко мне:

– Вы нашли Мишу?

Однако улыбка, которая осенила ее лицо, выглядела криво, и радости в голосе я не услышала.

– Пока нет, но…

Клиентка поджала губы. Произнесла:

– Давайте войдем.

В ее тоне прозвучали отчетливые интонации не девушки, а мамаши. Даже голос стал дребезжащим – как у родительницы, королевы общепита.

Интересная перемена. Я решила погодить со своими версиями и идеями. Дождалась, пока Вика уселась в кресло. Подыграла ей, чопорно произнесла:

– Ну, говори.

Пробитый пирсингом нос дернулся, взгляд метнулся – сначала на верхнюю губу, потом в угол комнаты. А дальше клиентка решительно изрекла:

– Михаила больше искать не надо… – На долю секунды задумалась и добавила: – Аванс можете оставить себе.

И поднимается – уходить собралась.

Я что ей – кукла безмозглая? Поигралась, надоело – и выбросила?!

– А ну, сядь обратно! – я довольно умело скопировала Синичкина в ярости.

– Вы почему кричите? – растерялась Вика.

Но послушно упала обратно в кресло.

– Потому что дело заведено, и обратного хода оно не имеет.

– Что за ерунда? – пискнула клиентка. – Мы не в полиции!

– А это роли не играет. Я на полпути ничего не бросаю. Мне поручили выяснить, куда исчез гражданин Дивин, и я это сделаю.

– Но зачем, если это никому не нужно?

– Быстро ты меняешь решения! – усмехнулась я. – Позавчера еще рыдала здесь, умоляла Мишеньку найти. Почему он тебе вдруг стал не нужен?!

– У меня изменились обстоятельства, – поджала губы девушка.

– Новый кавалер? – я иронично подняла бровь.

Она отмахнулась:

– Любви вообще нет! В принципе.

Я вспомнила, как божественно целуется Синичкин, и назидательно объявила:

– Ты ничего не понимаешь в жизни.

– Ну, ваш эм-че, может, и принц на белом коне, – саркастически отреагировала Вика. – А я к Мишке хоть и привыкла, но он меня раздражал ужасно.

Интересный поворот.

– И чем же?

– Да тем, что вечно без денег, ноет, клянчит. А у меня самой не так много. И тратить хочется на себя. А не на его черешню гнилую.

– Раньше тебя все устраивало, – напомнила я.

– Так говорю: раньше у меня самой гроши были. Родительские подачки, – отмахнулась Вика. И триумфально улыбнулась: – А сейчас получилось так, что я внезапно стала финансово независимой.

– Богатый дядюшка в Америке скончался?

Вика покраснела:

– Нет. Я вам все расскажу. Дело в том, что я очень азартная. С детства. Люблю рисковать, скорость, высоту. Банджи-джамп, параплан, прыжки с парашютом… И еще всякие лотереи…

Смутилась. Замолчала.

– Дальше, – поторопила я.

– Ну… В тот день, когда я после Монсеррат Кабалье к родителям ехала, меня совсем расколбасило. И, чтобы нервы успокоить, я пару лотерейных билетов купила. Думаю: Миха куда-то исчез – вдруг хотя бы здесь удача? Ну, и проверила вчера вечером. В одном из билетов все цифры закрылись! Первыми!

– И сколько ты выиграла?

Вика усмехнулась:

– Как тот кредит. Десять миллионов.

– Да ладно! В лотерею выиграть невозможно!

– Мы сегодня с папой в их офис ездили. Принесли билет. Я показала паспорт и получила подтверждение. Вот. Выигрыш выплатят в течение недели, – она протянула мне бумажку с ярким логотипом.

Я быстро проглядела текст – действительно. Тираж такой-то. Состоялся позавчера. Гарантированный выигрыш – полтора миллиона плюс джекпот. Предъявитель билета – Виктория Юрьевна Юнкер.

Чудеса.

Я глупо спросила:

– И что теперь?

– Как что? Поеду мечту осуществлять. И Мишка мне для этого совсем не нужен.

– А что за мечта?

Лошадиное личико зажглось улыбкой, веснушки засверкали, как звезды:

– В Италии хочу учиться. В академии при Ла Скала!

– А тебя туда возьмут? – иронично поинтересовалась я.

Вика вскочила. Неплохим меццо-сопрано запела из «Аббы»:

– The winner takes it all![4 - Победитель получает все (англ.).]

Потом плюхнулась обратно в кресло, добавила:

– Бесплатно бы не взяли. А за деньги – почему нет?

Я совсем растерялась. Паша Синичкин, богатая оперативная практика, а также многочисленные детективы намертво вбили в голову: одно совпадение – подозрительно. А двух – просто не бывает. Нереально такое – за три дня, одновременно избавиться от неподходящего жениха и разбогатеть! Если, конечно, тебе не помогли…

– The loser’s standing small[5 - Проигравший довольствуется малым (англ.).], – продолжала свою победную песнь Виктория.

Я шваркнула ладонью по столу, рявкнула:

– Сядь! Где именно ты покупала билеты?

Она захлопала глазами:

– В ларьке. У нашего дома.

– Каком?

– Там он один.

– Ты запомнила номер билета, который купила?

– Нет, – захлопала глазами. – А зачем?

– А когда ездила в дом отдыха, билет с собой брала?

– Нет. Дома оставила.

– Где?

– У себя на тумбочке.

То есть подменить – вообще никакой проблемы.

Только кому нужно – не красть, а, наоборот, одарять?

«Родителям, например. Чтобы любой ценой избавиться от неподходящего жениха».

Подобный бизнес – продажа выигрышных билетов, – насколько я знала, существует. Пользователей у него хватает. Отличный способ отмыть грязные деньги. Или взятку дать. Нынче придешь с конвертом – велик шанс загреметь по серьезной статье лет на шесть. А лотерейка сто рублей стоит. Дешевле букета цветов. Такие подарки принимать официально позволено. Но, по моим сведениям, организаторы лотерей выигрышный билет продают по цене один к десяти. Неужели у Викиной мамы есть лишние сто миллионов? И она готова их выложить только за то, чтобы избавиться от несчастного Михаила? Сто миллионов, сумасшедшая сумма! А ведь еще и Дивину пришлось платить – чтобы

уехал, перестал на дочь и московскую квартиру претендовать!

Но родители – безумные существа.

Вика понизила голос до полушепота:

– У меня папа немножко эзотерикой занимается. Я в эту его фигню вообще-то не верю. Но недавно он с ножом к горлу пристал – медитацию с ним вместе пройти. «Код счастья» называется. Я посмеялась – но перетерпела. Всякие глупости: «С этого момента твоя жизнь меняется. Все неудачи стерты. Ты уверенно движешься только вперед». А оно и правда так получилось!

«На самом деле мамаша твоя всю эзотерику сотворила», – едва не брякнула я.

Впрочем, зачем болтать лишнее? Вика рассердится, начнет спорить.

– Родители радуются? – улыбнулась я.

– Наполовину, – усмехнулась она.

– Это как?

– Ну, папа страшно горд, что его методика сработала. Пристает, чтобы я на его сайте отзыв оставила. А маман злится ужасно.

– Почему?

– Что я деньги на ерунду собираюсь тратить. Передразнила: «Зачем тебе Ла Скала? Солисткой все равно не станешь, а в хоре рот разевать – тоска и примитив».

– А куда она советует тратить?

Клиентка поморщилась:

– В Америку гонит. На эм-би-эй учиться. А потом ей с «Пышками и пирогами» помогать. Вот уж действительно тоска!

«М-да, – в очередной раз уверилась я. – Тяжело с детьми. Не буду их заводить».

Но вслух произнесла:

– Однако где же все-таки Михаил?

Вика счастливо улыбнулась:

– Да где бы ни был! Папа сказал – надо ему в пространство спасибо сказать и забыть. Он свою миссию уже выполнил.

– И какая у него была миссия?

– Ну, я говорила ведь вам! Мишка убедил меня в свои силы поверить! Стал как певицу продвигать. Вот зачем он на моем пути попался – чтобы путь указать. А замуж за него было не надо. Счастье, что высшие силы все решили за меня!

Спорить с ней дальше мне показалось бесполезным.

Вика написала расписку, что перечислила мне десять тысяч рублей «в счет понесенных затрат на поиски Михаила Дивина» и претензий ко мне и к агентству не имеет.

Вскочила. Бодрой походкой направилась к двери. Но у самого выхода обернулась:

– Помните, вы спрашивали про татуировку? Иероглиф «Желание»? Мое желание – делать все, что хочу!

Триумфально улыбнулась, упорхнула – и, опьяненная блестящими перспективами, похоже, навсегда выкинула меня и бывшего жениха из своей жизни.

А я пробормотала ей вслед:

– Беги-беги. Только я твое дело закрывать не собираюсь.

* * *

Когда Паша вернулся из Ниццы и выслушал мой доклад, резюме он выдал мгновенно:

– Забей. Искать пропавших женихов – хуже, чем котов в марте.

– Но мне тревожно! – пискнула я. – Он вообще может быть мертв!

– Кому нужно руки пачкать? Какой-то торговец овощами… Взял денег у мамы девушки да и сбежал, ты верно предположила.

– А билет выигрышный?

– Тоже родители устроили. Себя на их место поставь. Что лучше – когда дочка единственная в Италии с графами «Беллини» пьет или когда на кухне съемной картошку своему омичу жарит?

– Но два подряд совпадения…

– Да не совпадения это, а звенья одной цепи, – отеческим тоном произнес Синичкин. – Лучше выкинь глупости из головы и хотя бы окна помой, пока тепло и настоящее дело не подоспело.

И я покорно переоделась в старье и отправилась выполнять приказ шефа. Какой действительно был смысл суетиться? Вика мне больше не звонила, а предлагать свои услуги по розыску сына родителям Михаила я не решилась.

Подступал сентябрь, Москва неуклонно набивалась детьми и загорелыми менеджерами, благостная вежливость на дорогах сменялась истеричным метаньем из ряда в ряд и гуденьем клаксонов. Появились и клиенты. Иные заказы были весьма приятны: например, присматривать за дочкой нефтяного

магната. Девулю поступили в МГИМО, выпустили без всяких мамок-нянек в столицу, и папа справедливо опасался альфонсов, кокаина и прочих московских соблазнов. Мы с Пашей получили немалую сумму на расходы и ходили вслед за наследницей инкогнито по дорогим ночным клубам. Иногда (как говорил Паша, для отвода глаз) целовались.

После расслабленного лета приятно входить в рабочий ритм постепенно, но в этом году дела сыпались одно за другим. Даже перекрасить на рабочем месте ногти (любимое отдохновенье и постоянный предмет Пашиных шуточек) практически не удавалось.

И все же, хотя никто больше не вспоминал о пропавшем Михаиле, я не теряла надежды утереть нос (не знала, правда, кому) и человека найти.

Периодически мониторила по своим базам, не выплывет ли где паспорт Михаила. А еще добыла телефон приятеля господина Дивина, с которым они вместе возили по стране овощи-фрукты, и как-то вечером осмелилась. Пригласила его в кафе.

Худосочный экземпляр по имени Петр на контакт пошел легко, гневно насупился в ответ на мое предложение расплатиться за чай с пирожными и заявил, что я самая прекрасная в мире частный детектив. Потом сделал обескураженное лицо и улыбнулся:

– Были бы деньги, я бы вам сам заплатил. Чтобы Мишку найти и в рожу ему плюнуть. Как подставил меня, гад! Миллион дел на сентябрь напланировали, а он вдруг такой финт ушами!

– А что вы планировали?

– Так сезон ведь! Картошку из Рязанской области хотели возить. Арбузы астраханские. Виноград из Краснодарского края.

– Крупный опт?

– Да какой там крупный! «Газель» продашь – уже хорошо.

– Кто такая, кстати, Вероника Крошкина?

Петр покраснел, заморгал:

– Впервые слышу, честно говоря.

– Михаил вел с ней переговоры. О покупке какой-то крупнооптовой партии. На пятнадцать тонн не знаю чего.

– А мне ни слова не сказал! – ахнул Петр.

– Про кредит на десять миллионов тоже не знаете?

– Мишка взял кредит? – лицо партнера по бизнесу пошло пятнами. – Что ли, спятил? Да у него и так три непогашенных! И лично мне сто косых должен!

– Мог он скрыться, просто чтобы не платить? Никому. Ни банкам, ни вам?

– Мог, наверное. Только зачем? За машину он почти рассчитался. Потребительский тоже до октября. Общая сумма в итоге оставалась тысяч триста. Рублей. Смысл из-за таких денег прятаться? Да и деться некуда. Банки-то его быстро в стоп-лист поставят, начнут кровь пить, за границу не пустят. Или уже успел улететь?

– По своему паспорту – нет.

– Тогда вообще хрень какая-то.

И спросил:

– А вы Лильке звонили?

– Его сестре? – Я покачала головой. – Улыбнулась смущенно: – Тут ведь какой тонкий момент. Заказчиком невеста Михаила была, Вика, и она же очень быстро попросила остановить поиски. Поэтому формально я никаких прав искать вашего друга не имею. И не платят мне за это. Но когда человек без следа исчез, это

всегда подозрительно. Вот и копаю потихоньку. Из собственного интереса.

– Ну и правильно! – горячо поддержал Петр. – Вы неравнодушная. И красивая. Вот.

Страшно смутился. Отвернулся. Выхватил телефон, набрал номер, строго спросил:

– Лили? Привет! Чего там Мишка? Не появлялся?

Больше ни слова не вымолвил – в трубке застрекотал горячий монолог. Слов, к сожалению, было не разобрать, но когда пятнадцатиминутный разговор завершился, Петр добросовестно отчитался:

– Зла, как черт. Ей из банков звонят. Квартирный хозяин аренду требует или все вещи брата выкинет на помойку. А предки – они в Омске – сказали, что больше ни копейки не дадут. Сказали, тридцать два года – не ребенок, пусть сам со своими проблемами разбирается.

Петр взглянул растерянно:

– Может, с ним и правда случилось чего?

– Вообще-то запросто. Его добровольцы двое суток искали. Весь лес прочесали, вертолет прилетал. А вы про человека ни слова, только про деньги говорите, – упрекнула я.

– Не… ну мы тоже что-то делаем. Лилька заявление подала. На розыск. Но толку – ноль. Не скрывали: совершеннолетних особо не ищут. А сама она считает – усвистал брательник куда-то. Всегда себя так вел, еще со школы. Если устал, настроение плохое, все надоело – берет и убегает. В шестом классе почти неделю катался на электричках, пятьсот километров от дома отмахал…

– Но даже если он просто свинтил, нельзя от друга отказываться и просто ничего не делать, – продолжала ворчать я.

– А что мы можем?

– Сложно, что ли, с квартирным хозяином разобраться? Машину забрать из дома отдыха?

– А он ее, что ли, там бросил? – изумился Петр.

– Первые два дня была там. На стоянке. Где сейчас – понятия не имею.

– Ладно, – кивнул парень. – Это я не подумал. Сделаю. А то вы меня совсем устыдили. Да, блин, Москва! Пропадает человек – а ты и не знаешь…

«Ну вот, – подумала я. – У бесплатного детектива появился бесплатный помощник».

Еще больше мне хотелось выведать, как идет официальный розыск. Но тут глазами – как с Петром – не похлопаешь. Надо Синичкина уламывать. Чтобы подключил свои связи.

Однако Паша только и сказал: дело приостановлено. И лишь в канун Нового года презентовал коробку конфет плюс издевательски красный лак для ногтей. А также исполненный на ватмане карандашный портрет мужчины.

Я начала с того, что конфеты – мои любимые. Сдержанно похвалила лак. И лишь потом с любопытством ткнула в картинку:

– А это кто?

– А это товарищ, с которым твой любимый гражданин Дивин по лесу прогуливался. В день заезда в дом отдыха.

– Да ты что!

Я с Павлом без церемоний. Кинулась на шею, крепко расцеловала.

– Как ты достал?

– Пришлось подключать самые высокие связи, – важно ответствовал Синичкин.

Я внимательно вгляделась в картинку. Долго училась вычленять из фотороботов живого человека и сейчас максимально напрягала мозг. Но фигурант – в черной шапочке до самых бровей, с несколько восточным разрезом глаз, скуластый, тонкогубый – никого хотя бы минимально знакомого мне не напоминал.

Синичкин прокомментировал:

– Портрет составлен со слов отдыхающего. Но делай поправку: то был дедушка семидесяти трех лет. С катарактой. Других свидетелей нет. Видеозаписей тоже.

– Но хоть какая-то работа по делу идет?

– Не-а. Зачем? Родственники не давят. Места на стенде «Их разыскивает полиция» – дефицит. Дело, как я тебе говорил, приостановлено, и фоторобот этот лежал в нем мертвым грузом.

Я забрала картинку в предбанник. Долго ее разглядывала. Прогнала через компьютерный поиск по фотографиям. Ни единого совпадения не выскочило. Я решительно не представляла, что делать дальше. Да от меня никто этого и не требовал. Хотя за Михаила, пусть заочно он мне и не нравился, было обидно.

Как это – исчез и никто о тебе не беспокоится?!

Только Петр проявил пусть минимальную, но сознательность.

Доложил, что машину коллеги от дома отдыха забрал (запасные ключи нашлись в арендованной квартире, а свидетельство о регистрации, по счастью, болталось в бардачке). Продать чужой автомобиль он, разумеется, не мог, но сдал в аренду, а с доходов гасил кредиты коллеги. С квартирным хозяином тоже разошелся миром: все вещи Михаила вывез к себе.

По горячим следам тогда, в августе, у меня имелось громадье планов. Тщательно изучить бэкграунд Викиных родителей. Установить передвижения обоих в день пропажи Михаила. Но сейчас, когда летнюю жару сменила бесснежная стужа, а мы с Синичкиным занимались интереснейшим делом об исчезновении антикварного ожерелья у жены одиозного депутата, жизнь и судьба Михаила Дивина перестала столь ярко меня занимать. Денег не платят.

Вика прислала на католическое Рождество открытку с ангелочком и похвасталась, что лучше всех на курсе исполнила партию Виолетты. Про Михаила в послании ни слова.

Я пожелала молодой певице дальнейших успехов – и тоже выкинула свое первое единоличное дело из головы.

Минула зима, закончился то кислый, то морозный март, стремительно пролетел апрель.

В мае наступило традиционное затишье: граждане разъехались по дачам, криминальный элемент рванул в Сочи. Мы с Синичкиным офис не закрыли, но наконец смогли слегка расслабиться. Я в кои-то веки занималась маникюром, Паша бесцельно серфил по сайтам.

И вдруг выкрикнул из своего кабинета:

– Как дом отдыха назывался?

– Какой? – не поняла я.

– Ну, где этот твой Дивин пропал.

– «Дубовая роща». Люберецкий район. А что?

– Там в километре от него кусок леса оттяпали, под участки. Земля еще не в собственности, но особо ушлые уже строятся. Мужик начал рыть котлован – и нашел скелетированный труп. От девяти до одиннадцати месяцев пролежал. Под твое дело подходит.

Я пулей метнулась в кабинет:

– Фото есть?!

Паша хмыкнул. Развернул файл с максимальным увеличением.

Жуткая картина. Пергаментная серая кожа редкими клочьями обтягивала череп. Вместо глаз чернели пустоты. Ощеренные зубы (губ не имелось) насмешливо улыбались. С жутким лицом странно контрастировала почти целая футболка поло с хорошо различимой эмблемой «Наутика».

Узнать Михаила было невозможно. Но я точно помнила, что Вика упоминала синюю майку, которой не оказалось в сумке жениха.

– Это может быть он. Дивин… – пробормотала я.

– Почему ты не говоришь «какой ужас»? – потребовал Синичкин.

Я максимально бодрым голосом отозвалась:

– Я прекрасно знаю, как выглядит разложившийся труп. Десять месяцев прошло. Этот еще хорошо сохранился. Там почва, насколько я помню, песчаная.

– Римма, ты такая смешная, когда пытаешься казаться циничной, – усмехнулся Павел.

– А причину смерти установили? – Я продолжала играть роль бездушной следовательницы.

– Думаешь, это просто в такой стадии разложения?

– Ну, если в теле есть пуля…

– Нет. Никаких огнестрельных ранений. Эксперты, правда, сделали осторожный вывод… – Синичкин с выражением зачитал, – «что раздробленный второй нижний межреберный позвонок мог пострадать от проникновения в тело острого металлического предмета, предположительно ножа». Но, как показывает практика, нож – только одна из миллиона причин. А остальные могут быть самого естественного характера. Падение тела. Деятельность животных.

– А следы ДНК?

– Кого? – Паша взглянул жалостливо.

– Убийцы, конечно!

– Ты издеваешься? Труп был закопан на глубину два-три метра. Убийца мог хоть плюнуть на него. В могиле слюна немедленно смешается еще с десятью тысячами ДНК окружающего мира.

– А где борсетка, телефон, деньги, паспорт? – не унималась я.

– При трупе не нашли ничего.

– Значит, тоже забрали. Если помнишь, с его карты на следующий день снимали деньги… – пробормотала я.

– Ты фоторобот еще не выбросила? – спросил Синичкин.

– Издеваешься? – я немедленно принесла картинку.

Синичкин профессиональным взором ее окинул. Изрек:

– Я не уверен на сто процентов, но душегуб похож на гостя с Востока. Гастарбайтеры любят по лесам пошалить. Убил прохожего, взял телефон. Пять сотовых продал – уже на билет до Ферганы хватит.

– Да, – согласилась я. И горячо добавила: – До чего обидно, когда молодые, сильные, здоровые люди вот так глупо свою жизнь заканчивают! Как вообще можно – убивать ради телефона и каких-то грошей?! Это же мелко!

Паша пожал плечами:

– Я работаю почти двадцать лет. И встречал от силы пару-тройку справедливых убийств. За дело. Все остальное – подлость и мрак. Помнишь, в Мытищинском районе мать и ребенка месячного убили – только ради айфона?

Я не стала спорить. Хотя про себя грустно подумала: похоже, перспектив у моего дела нет. Гастарбайтер – чрезвычайно удобная версия. Тем более что давно известно: в августе – сентябре, когда заканчивается строительный сезон,

многие гости России, недовольные официальной зарплатой, выходят «подработать». Грабят дачи, нападают на одиноких прохожих. Потом сбывают за копейки телефоны, сережки, кольца. И улетают в родные пенаты с небольшим дополнительным доходом.

Но гости с Востока обычно свои преступления исполняют грязно, лишь иногда удосуживаются слегка присыпать труп землей, а то и просто бросают. А тут-то весь лес тщательным образом обшаривали добровольцы из поискового отряда. И никакой свежей могилы не обнаружили. Значит, захоронение хорошо замаскировали. Завалили буреломом, возможно, насадили деревьев. Будет ли перепуганный своим деянием узбек заниматься подобным? Вообще придет ли ему это в голову?!

И с Викиной карточкой по-прежнему непонятно. Вряд ли довольно крепкий парень Михаил по доброй воле сказал своему убийце пин-код.

Плюс имелись показания свидетеля – старичка, с чьих слов составили фоторобот. Тот уверял: Михаил и неизвестный в шапочке шли и мирно беседовали. Ему, правда, послышалось слово «деньги» и «кто вернет». Но говорили спокойно. Уже странно. С лихими людьми разговоров не ведут – те обычно налетают, как шакалы, со спины.

Но, несмотря на все сомнения в гастарбайтерской версии, сделать я ничего не могла.

О доступе к оперативной информации можно было только мечтать. В России у частного детектива полномочий минимум. Даже следить разрешается – смешно! – только с согласия того, за кем наблюдаешь. А ведь у меня и лицензии не имелось! Обычная секретарша, вообще никаких прав. Только и оставалось хлопать глазами и полагаться на милость – оперов, следователей и свидетелей мужского пола.

Несмотря на примитивность метода, кстати, он часто работает. Особенно с мужчинами одинокими и закомплексованными.

Петра – после нашей единственной встречи в кофейне – даже дергать не приходилось. Сам звонил, обо всем докладывал, обстоятельно и подробно.

С его помощью я вскоре после обнаружения трупа узнала: у сестры покойного Лили взяли образец ДНК, в поликлинике запросили стоматологическую карту Михаила и достоверно установили личность погибшего.

Им, как я сразу и предположила, оказался Дивин.

Петр также сообщил, что завещания (как и особого наследства) у Михаила не обнаружилось. Машину с согласия родителей заграбастала сестрица. Коробки с одеждой и обувью покойного оставались на квартире Петра.

– Но вообще всем на Миху плевать. Лильке в полиции прямо так и сказали: искать преступника бесполезно. Только если кто сам признается.

Однако через пару дней Петр позвонил опять. Пребывал он на сей раз в чрезвычайном возбуждении:

– Меня в полицию вызывают!

– Куда?

– В прокуратуру Люберецкого района. Завтра. К двум. Можете со мной пойти – ну, как адвокат?

Я рассмеялась:

– Петя, зачем вам адвокат?

– Для надежности.

– А где я возьму удостоверение?

Но он не отставал:

– Тогда давайте просто вместе пойдем. Поддержите меня – я никогда в полиции еще не был. Да и вам как детективу полезно – вдруг что-то приметите, вызнаете?

Я хотела сказать, что меня и в здание-то не пустят, не то что вместе с ним в кабинет. Но прикусила язычок. Чай, не на Петровку, 38, идти – тамошних зубров ничем не возьмешь. А в прокуратуре Люберецкого района запросто могут обнаружиться мужчины, тоже уязвимые хлопаньем глаз и глупыми женскими вопросами.

Мы с Петром договорились встретиться на следующий день у метро «Выхино». Паше я наврала про зубного врача. Шеф, естественно, разворчался – но знай он, что на самом деле я не лечусь, а продолжаю работать бесплатно, разбушевался бы еще пуще.

Петр, в отглаженной рубашке и ослепительно бликующих ботинках, смущенно изрек:

– Я все думаю, как нам вместе к следователю попасть. Может, сказать, что вы моя девушка?

И уставился в руль своего старенького «Мицубиси».

– Согласна, – ответила я с приветливой улыбкой. – Но у меня есть другая версия. Я с вами потому, что в спасательной операции участие принимала и тоже волнуюсь за судьбу Михаила. Что, кстати, чистая правда. – И вздохнула: – Впрочем, планировать мы можем что угодно. Все от следователя зависит. Захочет – пустит. Но, скорее всего, пошлет.

У кабинета номер пять сидело четверо хмурых мужчин. По меньшей мере двое из них выглядели настоящими головорезами. Петр (и без того худощавый) скукожился еще больше. Пролепетал:

– Я к следователю Тростинкину. На два часа.

Бритоголовый кадр с россыпью золотых зубов цыкнул:

– Жди. Позовут.

И широко мне улыбнулся:

– Привет, красотка!

Петр взглянул с отчаянием. Я не испугалась ни капли. Оперативное чутье подсказало: это не очередь из уголовников. Тут, похоже, опознание затевается. И угрожающего вида личности на самом деле помощники, дружинники и прочий абсолютно безопасный актив. Призванный для отвода глаз. А опознавать будут единственного – чистенького, гладенького и якобы никогда не бывавшего в полиции Петюню.

Дверь кабинета растворилась, очень молодой, но решительный следователь приказал всем ожидающим:

– Проходим.

На меня взглянул строго:

– А вы, барышня, здесь зачем?

– Я с Петей. Моральная поддержка.

Но хотя и распахнула глаза максимально широко, грозный Тростинкин буркнул:

– Кто вас сюда пустил?

– Ну… – я не стала говорить, что просто помахала паспортом с якобы вложенной повесткой.

Тростинкин затворил за всеми мужчинами дверь в кабинет. Меня оттер. Срывающимся, но строгим голосом приказал:

– Следуйте за мной.

Довел до выхода. Рявкнул на очень пожилого полицейского, который сторожил проходную:

– Матвеич, я тебе сколько раз говорил? Паспорта и повестки у всех, кто входит, проверяй! И в журнал записывай! Чтоб никаких мне больше посторонних! Развел тут бордель.

Матвеич печально вздохнул:

– Слушаюсь.

Укорил:

– Нехорошо обманывать, красавица.

И выпихнул прочь.

Со двора, по счастью, никто не прогнал, но маячить у входа я не стала – отошла в тенек, на лавочку под нежно зеленевшей березой. Отодвинула подальше банку вонючих окурков.

Задумалась. Опознание – дело серьезное, постановление следователь так просто не выдаст. Неужели есть какие-то основания подозревать в убийстве худосочного, всего как на ладошке, Петра? Или я ничего не понимаю в людях?! Но в любом случае неясен мотив. Никаких денег или доли в фирме мой протеже не унаследовал, у них с Михаилом и бизнеса толком не было – у каждого собственное ИП с крошечным оборотом. Одну девушку не делили.

Может, Михаил занял у Петра гораздо больше, чем сто тысяч, и отказывался отдавать? А тот психанул? Но мог ли этот худосочный товарищ справиться со своим коренастым, куда более крепким приятелем? Хотя в протоколе судмедэкспертизы что-то про нож упоминалось…

Во дворик прокуратуры то и дело заезжали машины, заходили люди. На мою лавочку явились курить трое ярко матерящихся алкоголиков. Я переместилась подальше от ругани и дыма. За березу.

И вдруг увидела: к зданию прокуратуры не слишком уверенной походкой идет статный сероглазый мужчина.

Никаких сомнений: то был Викин папа.

Вика

Вика с детства не любила ходить строем и петь хором глупые песни.

Выскочку дружно пытались поставить на место.

Когда в детском саду бунтовала против обязательной склизкой каши на завтрак, отправляли стоять в углу. В младшей школе съезжала по перилам – вызывали родителей. Впрочем, к наказаниям девочка быстро привыкла, и они ее не страшили. Главная беда заключалась в том, что в глубине души она боялась и стыдилась своих «подвигов». Выколола японский иероглиф, сделала пирсинг. Смотрела в зеркало – гордилась. Но потом перехватывала презрительный взгляд на колечко в носу или слышала ехидный комментарий в адрес татуировки на щиколотке – и понимала: лучше бы она не высовывалась.

Только в Италии, где все и всем по барабану, Вика наконец осознала: танцевать на улице надо потому, что душа просит, а не с целью кого-то шокировать. Исполнять партию Виолетты с крашенными в синий волосами – потому, что так видишь образ. А проколоть нос, только чтобы маму позлить, просто глупо.

Европейская толерантность плюс деньги (их после своего солидного выигрыша в лотерею девушка не считала) быстро избавили ее от страхов и научили «отрываться» в полное свое удовольствие.

Вика пела партию старухи из «Пиковой дамы» в сопровождении джазового оркестра – и все аплодировали.

Нагло каталась на арендованном «Фиате» вокруг Duomo di Milano – и никто не бросал ее лицом на капот. Карабинеры, конечно, остановили – но даже не оштрафовали. Проявили снисходительность к руссо туристо и вежливо показали, где выезд из пешеходной зоны.

Вика, хотя и пела всегда, до сих пор цену своим возможностям не знала. Родители называли ее голос «неплохим». Одноклассники вечно совали в руки гитару. Мишка – тот вообще клялся, что Кабалье и Нетребко даже рядом не

валялись.

В итальянской оперной школе девушке быстро и необидно все объяснили.

– Вас с удовольствием возьмет в свой состав любой хор мира. Однако ваш голос не единичен. Не уникален. Поэтому, увы, исполнять главные партии вам не суждено… Хотите ли вы для себя подобной судьбы – все время стоять в толпе? Синьорита настолько оригинальна, что ей незачем стремиться в ряды многих на оперной сцене. Ищите себя, Виктория, и вы очень скоро станете заметным явлением на эстраде.

Что ж, пусть будет эстрада. На рок-концерты ходит куда больше народу, чем в оперный театр. Но только что исполнять? Придумывать музыку и стихи Вика не умела. Найти своего композитора и продюсера – задача архисложная.

Но однажды девушка просто для смеха соединила грустную песнь Аиды с залихватским мотивом «Калинки-малинки». Когда спела в оперной школе на переменке, сбежалось человек сто. Хлопали, просили повторить.

«Вот как надо выделяться! А не нос себе прокалывать», – мелькнула мысль-просветление.

С тех пор Вика все свободное время тратила на то, чтобы переложить классические тексты на современные мелодии и наоборот. Работа на самом деле кропотливая: то размер никак не укладывается, то настроение текста и музыки не совпадает (или, наоборот, похоже – а нужен контраст).

Но если проявить настойчивость, сочетания часто выходили удивительные. Особенный успех у сокурсников имели ария Манон под музыку «Лед Зеппелин» и Джастин Бибер под Чайковского.

Преподавателям оперной школы Виктория о своем хобби рассказать стеснялась. Но однажды однокурсник – сын владельца ресторанчика рядом с Ла Скалой – пригласил девушку выступить. И позвал – за счет заведения – ее педагога.

Вика начинала со страхом. Но публика била в ладоши, а преподаватель в восторге колотил себя по коленкам.

Когда концерт закончился, шутливо перекрестил и дал напутствие:

– Нарушай правила, Вика. Продолжай нарушать. У тебя это прекрасно получается. Кто у тебя, кстати, родители?

– Обычные, – наморщила нос она. – Папа – программист, мама – в ресторанном бизнесе.

– Странно. Ты больше походишь на дочку пиратов, – улыбнулся учитель.

А Вика, опьяненная успехом, вдруг остро ощутила, насколько она устала от чужой страны. Чертовски захотелось поговорить по-русски. Зайти в наш ресторан. И обнять своих вечно квохчущих, правильных пэрентсов.

Получать «корочки» оперной певицы больше не имело смысла, и она сообщила папе с мамой, что возвращается в Россию.

Родители явились в аэропорт оба. Глядели слегка настороженно.

Мама потрясенно спросила:

– Ты вынула кольцо из носа?

– Ага, – улыбнулась Вика. – И новых татуировок нет. И наркотиков в чемодане.

– И волосы стали нормальные, – папин голос чуть дрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее о детективной истории, связанной с этой машиной, можно прочесть в рассказе Анны и Сергея Литвиновых «Ключ» (сборник «Горький инжир»).

2

Я всегда выигрываю (англ.).

3

Майк – самый лучший (англ.).

4

Победитель получает все (англ.).

5

Проигравший довольствуется малым (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna/pochtovyy-golub-mertv-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить